

Осипова О. И. Константы малой прозы Ф. Сологуба / О. И. Осипова // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 152—163. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-152-163.

Osipova, O. I. (2021). Small Prose Constants by F. Sologub. *Nauchnyi dialog, 1*: 152-163. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-152-163. (In Russ.).

УДК 821.161.1Сологуб.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-152-163

КОНСТАНТЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ Ф. СОЛОГУБА

© **Осипова Ольга Ивановна (2021)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка как иностранного, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет» (Владивосток, Россия), fa-fa@mail.ru.

Рассматривается вопрос о константах в малой прозе Ф. Сологуба. Особое внимание уделяется знаковым циклам рассказов в творчестве автора. Представлены результаты анализа мотивов, хронотопа, повторяющихся элементов сюжета и системы персонажей в циклах «Жало смерти» и «Недобрая госпожа». Показано с помощью сопоставительного и интертекстуального методов, что в рассказах циклов воплощается константная бинарная оппозиция бессмысленной, жестокой жизни и утешительной смерти, грезы героя о смерти определяют бессмысленность бытия. Доказано, что время и отчасти пространство оказываются в рассказах циклов бинарно организованными, но это не двойственность этого и иного миров: герой не выходит за границы этого мира, но время и пространство этого мира изменяются под воздействием измененного сознания героя. Автор останавливается на анализе мотивных комплексов, которые также представляют оппозиции, что позволяет сделать вывод о наличии константных признаков художественного мира Сологуба. Новизна исследования заключается в том, что современное осмысление классических произведений с применением новой методики позволило увидеть внутреннюю комплексную взаимосвязь текстов, найти эксплицитные и имплицитные признаки взаимодействия между циклами.

Ключевые слова: литературные константы; время; пространство; художественный образ; константный мотив; Ф. Сологуб.

1. Введение в проблематику

Понятие «константа» пришло в литературоведение из культурологии и активно применяется при рассмотрении постоянных элементов творчества автора. В культурологии понятие «константа» связана с концептом [Степанов и др., 1993; Степанов, 2004]. При этом концепт — это «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт — это то, посредством чего человек — рядовой, обычный человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее <...> концепты не только мыслятся, они

переживаются. Они — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений. Концепт — основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов, 2004, с. 43]. Константа при этом представляет собой концепт, существующий в культуре постоянно или долгое время [Там же, с. 82]. В то же время концепт может иметь константные признаки как в мировой культуре, в культуре отдельного народа, так и в индивидуально-авторской картине мира [Новокрещенова, 2007].

Понятие «константа» применительно к творчеству писателя либо к отдельному произведению будет обладать набором признаков, отличных от понятия «концепт» в культурологии или в лингвистике [Зусман, 2001; Романенко, 2014; Тарасова, 2009]. Константы как некие доминантные признаки художественного стиля, с одной стороны, позволяют проследить глубинные связи творчества с контекстом эпохи, с другой — выявить индивидуальные черты стиля художника слова, а также проследить их эволюцию. Поэтому введение в литературоведческую исследовательскую парадигму понятия «константа творчества», или «константа художественного мира», предоставило возможность иначе взглянуть на знакомые художественные тексты, найти новые ракурсы их изучения.

В литературоведческом анализе понятие «константа» может применяться по отношению к авторской поэтике [Клейман, 2001], мифопоэтике [Скудрина, 2017], к жанровой составляющей творчества, а также к внутри-текстовым категориям: системе персонажей [Ковалева и др., 2006], стилю [Тарасова, 2013], теме, мотивам, нарративным стратегиям [Лю Цзыюань, 2019], композиции [Токарева, 2012].

Такой подход к творчеству автора показал свою продуктивность, так как позволил, во-первых, выявить связь литературной позиции писателя с общекультурной духовно-эстетической традицией; во-вторых, актуализировать философские, бытийные, эстетические проблемы творчества; в-третьих, установить взаимосвязь между произведениями автора (например, между циклом и отдельными произведениями, не вошедшими в него, либо между отдельными циклами, романами, повестями) и увидеть как единство творческой позиции, так и истоки замысла и его творческую реализацию и, наконец, в-четвертых, определить особые формально-содержательные грани художественного мира писателя. Для реципиента константный подход также имеет свою значимость, так как позволяет увидеть внутренние связи между отдельными произведениями, воспринимать отдельные тексты в свете целостности авторского высказывания.

Поэтому концептуально значимой представляется задача данной статьи: рассмотреть константы прозаических циклов Ф. Сологуба. Объектом

исследования стали рассказы, вошедшие в циклы «Недобрая госпожа» и «Жало смерти», которые, на наш взгляд, являются наиболее репрезентативными в плане выявления авторской концепции. Предметом исследования выбраны образные, мотивные, структурные, тематические константы рассказов, вошедших в циклы.

Один из цитируемых в соловубоведении тезисов отражает позицию писателя, погруженного в контекст смены бытийной, мировоззренческой и художественной парадигм, а также опирающегося на единую творческую позицию: «Никакого нет быта, и никаких нет нравов, — только вечная разыгрывается мистерия. Никаких нет фабул и интриг, и все завязки давно завязаны, а все развязки давно предсказаны ... Что все слова и диалоги? — один вечный ведется диалог, и вопрошающий отвечает себе сам и жаждет ответа. И какие же темы? — только Любовь, только Смерть. Нет разных людей, есть только один человек, один только я во вселенной» [На рубеже ..., 1990, с. 312]. Современники Ф. Сологуба отмечали единство художественной системы его прозы, которое проявляется в повторе мотивов, образов, а также языковых средств. Об этом пишут и исследователи его творчества: «Есть основания утверждать, что все отдельные издания соловубовских рассказов складываются в некое подобие гипертекста, в котором один цикл как бы подсвечивает другой, способствует более глубокому пониманию другого. В свою очередь этот гипертекст — необходимая и неотъемлемая часть всего созданного этим художником слова, его, так сказать, метатекста. Вероятно, большинство художников во все времена интуитивно осмысливали свое творчество как создание единого текста, символисты же сознательно прилагали усилия в этом направлении» [Мескин, 2010, с. 42]. Созданию подобного метатекста способствовала и распространенная у многих авторов этого периода циклизация. Отметим, что в случае малой прозы Сологуба рассказ из одного цикла может вводиться в другой. Так произошло с рассказами «Красота», «Утешение», «Обруч», «Жало смерти. Рассказ о двух отроках» циклов «Жало смерти» и «Недобрая госпожа», в связи с чем можно предположить, что данные циклы нужно рассматривать не изолированно, а как части единой конструкции, под влиянием которой происходит трансформация их семантики. Единство цикла как жанра определяют межтекстовые связи, которые обеспечивают приращение смысла произведений, входящих в единство, поэтому при рассмотрении указанных циклов Сологуба целесообразно включать в анализ сюжетно-композиционные, мотивно-образные, пространственные и временные константы.

2. Сюжетно-композиционные и мотивно-образные константы

Исследователи отмечают особое мировоззрение Ф. Сологуба, в котором ведущее положение занимает идея двоемира: «Сологубовский мир распадается на “кошмар окружающей действительности” и “сокровенный мир”, сигналы из которого доходят до нашей обыденности в виде неясных проблесков: снов, “волнений мечты”, “надежд внутренней беспокойности”. Этот мир проступает в “кошмарной действительности” в виде “просветов жизни”, к которым писатель справедливо причисляет красоту и любовь. И одну из центральных доминант этого мира образует идейно-художественная оппозиция “жизнь — смерть”» [Дубова, 2014, с. 136]. Герой этого мира — ребенок либо взрослый с незамутненным сознанием, но «детство — это период мучений и страданий, избавлением от которых становится ранняя смерть ребёнка» [Дубова, 2015, с. 228].

Можно проследить постоянство сюжетно-композиционного моделирования сологубовского текста. Сюжет в рассказах строится вокруг одного события, представляющего некий переломный момент в жизни главного героя. Данная сюжетная схема связана с константным мотивом томления, который также семантически актуализирован в мотивах печали, грусти, скуки. Например, Пака из рассказа «В плену» цикла «Недобрая госпожа», оставшись один, вдруг ощущает досаду: *Новые желания томили его. Знал, что эти желания неисполнимы. Чувствовал себя несчастным и обиженным* [Сологуб, 2000, с. 598]. Герой рассказа «Утешение», став очевидцем смерти девочки, испытывает томление: *Но в помраченном сознании его выросли из его томления дивные грезы* [Там же, с. 562]. То же томление смерти охватывает героев рассказа «Жало смерти», «Земле земное», «Красота». Мотив томления продуцирует монотонные, повторяющиеся действия, бессмысленные с точки зрения героя. Иногда тоска и томление порождают чувство отчаяния, так как герой теряет жизненный ориентир и не может вернуться к прежней «нормальной» жизни. Это чувство сопровождает жизнь героя и определяет новые сюжетные повороты.

В итоге можно охарактеризовать константный сюжет, который целиком или в ключевых частях реализуется во всех произведениях рассматриваемых циклов: с героем происходит событие, которое открывает ему новые грани жизни, новый взгляд на действительность приводит к неудовлетворенности этой жизнью, как следствие, жизненное пространство оказывается враждебным герою, он стремится выйти из него, в чем ему может помочь некий инфернальный проводник (рассказы «Утешение», «Жало смерти», «Земле земное», «Маленький человек», «Рождественский мальчик») или даже предмет («Обруч»).

Переломный момент возникает либо в результате конфликта героя и общества, либо в результате внутренних процессов. И это приводит героя к мыслям о ничтожности и пошлости этого мира и, как следствие, о привлекательности смерти, появляются мечты о ней как об избавительнице, утешительнице. Иногда повествователь подчеркивает незначительность события, которое изменит жизнь героя. Старик из рассказа «Обруч» видит мальчика, катящего перед собой обруч: *Бедно одетый старик с грубыми руками остановился на перекрестке, — прижался к забору и пропустил даму с мальчиком. Старик смотрел на мальчика тусклыми глазами и тупо усмехался. Неясные, медленные мысли ползли в его лысой голове* [Сологуб, 2000, с. 510]. Но к преобразению мира героя приводит именно это незначительное событие: *И ничего больше не случилось. Мирно поиграл старик несколько дней, — и в одно слишком росистое утро простудился. Слег, — и скоро умер. Умирая в фабричной больнице, среди чужих равнодушных людей, он ясно улыбался* [Там же]. Подмена улыбки (*тупо — ясно*) становится символом перехода героя от существования в этом мире к смерти.

Елена, героиня рассказа «Красота», вдруг понимает, что слуги осуждают ее. Целомудренное восхищение и любовование своим телом превращается в подобие ритуала, который перестает приносить чистую радость. Мечты о явлении красоты в этот мир разрушаются из-за вторжения грубой реальности, из-за которой героиня чувствует, что *невозможно ей жить со всем этим темным на душе* [Там же, с. 506]. В рассказе намечена четкая граница, пролегающая между миром красоты и остальным миром. Это позволило повествователю четко разделить пространство двух миров, а также обозначить слом, поделивший жизнь героини на время «до» и «после» вторжения в ее комнату (мир красоты) мира реальности. Константными эпитетами, бинарно характеризующими эти миры, являются *строгий* и *грубый*. Первый соответствует миру красоты и вступает в парадигматические отношения с эпитетами *чистый, торжественный, девственный, избранный, мирный*, второй — миру реальности, коррелирует с эпитетами *нечистый, лукавый, циничный, тупой, бессмысленный, пошлый*. Отметим, что данные характеристики повторяются и в других рассказах циклов, что позволяет говорить о них как о константных.

В рассказе «Маленький человек» фантазмагория пошлости этого мира достигает пика при описании разговора вице-директора с чиновником Сараниным. Рассказ в цикле стоит особняком в силу своих обширных интертекстуальных связей с литературой XIX века, карнавальной традицией, но тематически и на уровне мотивных совпадений близок другим произведениям. Переломный момент обозначен в рассказе так же, как и в других расска-

зах: встреча с таинственным незнакомцем — проводником, который продает ему капли для уменьшения, предназначавшиеся жене. В результате недоразумения герой выпивает капли. Сологуб открыто заявляет о том, что ориентируется на традиционное отношение русской литературы к социальному типу маленького человека — чиновника: *Традиции сослуживцев Акакия Акакиевича Башмачкина живучи* [Там же, с. 625]. Но перед нами реализованная метафора, название литературного персонажа прочитывается и развивается автором буквально: *Саранин мельчал, мельчал, пока не смешался с тучею пляшущих в солнечном луче пылинок в пылинку и исчез* [Там же, с. 630]. Ф. Сологуб, реализуя метафору, предпринимает попытку функционально завершить литературную жизнь данного персонажа: *Наконец, по сношению с Академией наук, решили считать его посланным в командировку с научной целью. Саранин кончился* [Там же, с. 633]. Но в контексте циклов тема маленького человека имеет экзистенциальную направленность: человек слаб и беззащитен перед случайными поворотами судьбы.

В рассказе «Утешение», построенном на том же конфликте «я — мир», очевидцы случайной смерти ребенка (именно это событие произвело на главного героя рассказа неизгладимое впечатление и стало поворотным в его судьбе) *смотрели с тупым, бессмысленным любопытством* [Там же, с. 518]. Символом разрыва с этим миром и с жизнью становится являющийся герою образ погибшей девочки. Самые частые эпитеты, сопровождающие этот образ, — *белый и чистый: Она — светлая и сильная, он — темный и слабый; он словно заключен в труп, она — вся живая, и вся переливается огнями и светами, и красота ее несказанная смиряет несмолкаемую боль в его бедной голове* [Там же, с. 546]. В рассказе «Утешение» указанный конфликт «я — общество» приобретает экзистенциальное звучание, перерастая в конфликт «жизнь — смерть», притом мертвенность, жестокость, несправедливость жизни оправдывают устремленность героя к смерти-утешительнице.

«Жало смерти» пронзает героев Ваню и Колю. Антиномия «жизнь — смерть» в рассказе повернута таким образом, что смерть кажется предпочтительным и единственно возможным вариантом вырваться из этого мира в более справедливый, честный, в котором нет места обману. В рассказе также повторяются указанные константные эпитеты, и они характеризуют иной мир — смерть: *Коля слушал и верил. И все забвеннее становилась для него природа, и все желаннее и милее смерть, утешительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождает, и обещания ее навеки неизменны. Нет на земле подруги более верной и нежной, чем смерть* [Там же, с. 593].

Сюжетные константы связаны со столкновением героя с жестокой перевернутой реальностью и со сменой его взглядов на жизнь. Внешне в жизни героя ничего не меняется, но измененное видение окружающего героем определяет пересмотр своего отношения к миру, что в свою очередь определяет особую атмосферу опустошения и безразличия. Поэтому герой спокойно и радостно приходит к смерти. Можно отметить, что несколько не вписывается в эту сюжетную схему рассказ «Земле земное», в котором герой остается в этом мире. Но заключительные строки рассказа опять выводят на первый план мотив «томления»: герой повернулся к жизни, но перед ним лежит *путь истомный и смертный* [Там же, с. 488].

Мотивные константы становятся семиотическими паттернами, структурирующими модель бытия для рассказов двух циклов: пустая, несправедливая, пошлая, лживая жизнь-реальность, в которой герой томится, как в плену, и противостоящие ей красота и смерть. Здесь мы сталкиваемся с индивидуально-авторской игрой, имеющей общекультурные коды, в которых положительная семантика связывается с жизнью как единственным непреложным даром человеку. Сологуб же противопоставляет бессмысленной и конечной жизни человека мечту о смерти.

Герой рассказов Сологуба становится инвариантным образом. Тоска, томление и неудовлетворенность жизнью делают его изгнанником, но одновременно сводят с теми, кто также находится в двойственном положении, например, мать и дочь, живущие на чердаке («Утешение»), старая няня Саши («Земле земное»), Ваня Зеленов, определивший судьбу главного героя и соблазнивший его смертью («Жало смерти»).

3. Пространственно-временные константы

Время и отчасти пространство оказываются в рассказах циклов бинарно организованными. Время делится на «до» и «после». Особое место в рассказах уделено описанию «после».

Одновременно с этим преобразается и пространство, формально герой остается в том же локусе, меняется лишь его восприятие. Кстати, многие исследователи подчеркивают значимость локации природы как отражения переживаний и мировоззрения героя не только в рассказах, но и в романах Сологуба [Masing-Delic, 1992].

Например, в рассказе «Земле земное» герою окружающий мир, природа, которые раньше вызывали «сладостный восторг», кажутся чуждыми: *И почувствовал Саша, что эта немая, загадочная природа была для него страшнее замогильных призраков, если бы в нем был страх* [Сологуб, 2000, с. 473]. Интересно отметить, что в рассказе пространство не-жизни

оказывается инверсией пространства жизни: ... *куда не пойдешь ты на земле, — все реки, деревья, трава, — все, все, брат, одно и то же. А там, за гробом, совсем, совсем непохожее* [Там же, с. 590]. Схожие слова говорит Гриша в рассказе «Рождественский мальчик», хотя в этом рассказе появляются библейские образы и мотивы, не свойственные другим рассказам: *Пойти бы всем вместе, дошли бы до такого места, где земля новая, и небо новое, и лев свирепый не кусает, и змейка-скоропейка не жалит. Да нет нам свободы, никуда не пойдешь* [Там же, с. 643]. Контрапунктно развернутое пространство, символизирующее смерть, преобразует взгляд героя на жизнь, становится пространством внутреннего мира, знаком психологического состояния, мироощущения героев.

Эта же метаморфоза мировосприятия героя происходит в рассказе «Жало смерти»: *Как бы привычным движением душа ответила радостью на привет природы, вечно родной и только обманчиво равнодушной, — обрадовалась вдруг, — и вдруг забыла свою радость, и словно забыла даже, что есть на свете радость* [Там же, с. 593]. Здесь проявляется особая эмоциональная связь фольклорного типа между миром природы и состоянием героя: живое оборачивается неживым, происходит омертвление души героя и природы.

В рассказе «Обруч» мечта изменяет воспоминание о прошлом героя. Кажется ему, что не было несчастной, бедной жизни: *И его утешали воспоминания, — и он тоже был ребенком, и смеялся, и бегал по свежей траве под сумрачными деревьями, и за ним смотрела милая мама* [Там же, с. 514]. Таким образом, можно отметить, что константным признаком хронотопа в рассказах является его бинарная структура. Первая часть оппозиции — мир реальности, представленный в негативном ключе, вторая — этот же мир, но преобразенный сознанием или мечтой героя.

4. Заключение

Из нашего анализа следует, что в рассказах Сологуба, вошедших в циклы «Жало смерти» и «Недобрая госпожа», воплощается константная бинарная оппозиция бессмысленной, жестокой жизни и утешительной смерти. При этом в произведениях Сологуба герой грезит о смерти, чем еще более усугубляет бессмысленность бытия. Мечта о смерти не связана с ожиданием возмездия и посмертной муки, скорее, мучительно само существование в этом мире. Герои открыты идее смерти, потому что именно в ней предполагаются целостность, утешение и свобода, которых в жизни нет. У Сологуба мы видим бинарное деление мира, но двоимире проходит не по оси «сон — явь», как, например, в рассказах В. Брюсова, а по

оси «внешнее — внутреннее» пространство. Пограничное место на стыке внутреннего и внешнего пространства занимает природа. Одновременное наличие мотивов тоски, одиночества, томления и системная связь между ними позволяют говорить о них как о константных мотивах.

Благодаря константам тексты вступают в сложный интертекстуальный диалог. Указанная однородность циклов проявляет себя на различных уровнях — тематическом, образном, мотивном, композиционном. Нельзя не отметить когерентность названий циклов «Жало смерти» и «Недобрая госпожа», посвященных одной теме. В названиях циклов актуализирован важнейший компонент, который определяет идейно-тематическое своеобразие объединенных в них рассказов: мистериальная направленность художника к постижению законов мироустройства и отображение их посредством слияния таких бытийных категорий, как жизнь и смерть.

Источник

1. *Сологуб Ф.* Собрание сочинений : в 6 т. : Т. 1. Тяжелые сны. Роман. Рассказы / Ф. Сологуб. — Москва : Ителвак, 2000. — 666 с. — ISBN 5-93264-022-7.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Дубова М. А.* Образ «тихих детей» в поэтике романа Ф. Сологуба «Капли крови» / М. А. Дубова // XXI век : итоги прошлого и проблемы настоящего плюс. — 2015. — Т. 3. — № 6 (28). — С. 228—234.

2. *Дубова М. А.* Роль концепта «детство» в идейно-художественной оппозиции «жизнь — смерть» (по прозе Федора Сологуба) / М. А. Дубова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. — 2014. — № 9. — С. 135—138.

3. *Зусман В. Г.* Диалог и концепт в литературе : литература и музыка / В. Г. Зусман. — Нижний Новгород : Деком, 2001. — 168 с. — ISBN 5-89533-056-8.

4. *Клейман Р. Я.* Достоевский : константы поэтики / Р. Я. Клейман. — Кишинев : Tipograf. «Elan Poligraf», 2001. — 360 с.

5. *Ковалева А. Ю.* Антропологические константы в романе Л. Леонова «Пирамида» / А. Ю. Ковалева, В. В. Компанец // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8 : Литературоведение. Журналистика. — 2006. — № 5. — С. 41—45.

6. *Лю Цзыюань.* Константы художественного мира рассказов И. А. Бунина 1930—1940-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Лю Цзыюань. — Владивосток, 2019. — 27 с.

7. *Мескин В. А.* Ф. Сологуб : искания в жанре рассказа / В. А. Мескин // Вестник РУДН. Серия : Литературоведение. Журналистика. — 2010. — № 2. — С. 42—51.

8. *На рубеже.* К характеристике современных исканий. Критический сборник. — Санкт-Петербург : Питер, 1990. — 323 с.

9. *Новокрещёнова И. Л.* Понятие «концепт» и его востребованность в современном литературоведении / И. Л. Новокрещёнова // Вестник Воронежского государственного университета. — 2007. — № 1. — С. 77—82.

10. Романенко А. С. Проблема определения методологического подхода к изучению литературных констант / А. С. Романенко // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2014. — № 9 (150). — С. 126—130.

11. Скудрина С. А. Небо как мифопоэтическая константа творчества Ф. М. Достоевского : ономастический аспект / С. А. Скудрина // Вестник славянских культур. — 2017. — Т. 46. — С. 177—184.

12. Степанов Ю. С. Константы мировой культуры : Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия / Ю. С. Степанов, С. Г. Проскурин. — Москва : Наука, 1993. — 158 с.

13. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2001. — 990 с. — ISBN 5-8291-0007-X.

14. Тарасова И. А. Образ или концепт? К вопросу о категориях авторского сознания / И. А. Тарасова // Языковое бытие человека и этноса : психолингвистический и когнитивный аспекты. Материалы Международной школы-семинара (V Березинские чтения). — Москва : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. — Выпуск 15. — С. 262—267.

15. Тарасова И. А. Поэт как критик : константы когнитивного стиля / И. А. Тарасова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2013. — № 37 (328). — С. 165—167.

16. Токарева Г. А. О лирическом сюжете в связи с проблемой структурных констант лирического текста / Г. А. Токарева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2012. — № 32 (20). — С. 91—100.

17. Masing-Delic I. Abolishing death. A salvation myth of Russian twentieth-century literature / I. Masing-Delic // Fyodor Sologub. A legend in the making. — Stanford University Press, 1992. — Pp. 155—195.

SMALL PROSE CONSTANTS BY F. SOLOGUB

© **Olga I. Osipova (2021)**, orcid.org/0000-0001-6783-9378, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Russian as a Foreign Language, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “The Far Eastern State Technical Fisheries University” (Vladivostok, Russia), fia-fa@mail.ru.

The question of constants in the short prose of F. Sologub is considered. Special attention is paid to the iconic cycle of stories in the work of the author. The results of the analysis of motives, chronotope, recurring elements of the plot and the system of characters in the cycles “The Sting of Death” and “Unkind Lady” are presented. It is shown with the help of comparative and intertextual methods that in the stories of the cycles the constant binary opposition of a meaningless, cruel life and a consoling death is embodied, the hero's dreams of death determine the meaninglessness of being. It has been proved that time and partly space in the stories of the cycles are binary organized, but this is not the duality of this and other worlds: the hero does not go beyond the boundaries of this world, but the time and space of this world change under the influence of the altered consciousness of the hero. The author dwells on the analysis of motivational complexes that also represent oppositions, which allows us to conclude that there are constant signs of Sologub's artistic world. The novelty of the research lies in the fact that modern comprehension of classical works using a new technique made it

possible to see the internal complex interconnection of texts, to find explicit and implicit signs of interaction between cycles.

Key words: literary constants; time; space; artistic image; constant motive; F. Sologub.

MATERIAL RESOURCES

Sologub, F. (2000). Tyazhelyye sny. Roman. Rasskazy [Heavy dreams. Novel. Stories]. In: *Sobraniye sochineniy* [Collected works], 6 (1). Moskva: Intelvak. 666 p. ISBN 5-93264-022-7. (In Russ.).

REFERENCES

- Dubova, M. A. (2014). Rol' kontsepta «detstvo» v ideyno-khudozhestvennoy oppozitsii «zhizn' — smert'» (po proze Fedora Sologuba) [The Role of the concept “childhood” in the ideological and artistic opposition “life — death” (on the prose of Fyodor Sologub)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University for the Humanities], 9: 135—138. (In Russ.).
- Dubova, M. A. (2015). Obraz «tikhikh detey» v poetike romana F. Sologuba «Kapli krovi» [The image of the “quiet kids” in the poetics of the novel of F. Sologub “Drop of blood”]. *XXI vek: itogi proshlogo i problemy nastoyashchego plyus* [XXI century: the results of the past and challenges of the present plus], 3 (6/28): 228—234. (In Russ.).
- Kleyman, R. Ya. (2001). *Dostoyevskiy: Konstanty poetiki* [Dostoevsky: Constants of Poetics]. Kishinev: Elan Poligraf. 360 p. (In Russ.).
- Kovaleva, A. Yu., Kompaneyets, V. V. (2006). Antropologicheskiye konstanty v romane L. Leonova «Piramida» [Anthropological constants in L. Leonov's novel “Pyramid”]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism], 5: 41—45. (In Russ.).
- Liu Ziyuan. (2019). *Konstanty khudozhestvennogo mira rasskazov I. A. Bunina 1930—1940-kh godov*. Author's abstract of PhD Diss. [Constants of the Artistic world of I. A. Bunin's Stories of the 1930s and 1940s. Author's abstract of PhD Diss.]. Vladivostok. 27 p. (In Russ.).
- Masing-Delic, I. (1992). Abolishing death. A salvation myth of Russian twentieth-century literature. In: *Fyodor Sologub. A legend in the making*. Stanford University Press. 155—195.
- Meskin, V. A. (2010). F. Sologub: iskaniya v zhanre rasskaza [F. Sologub: search in the genre of the story]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Vestnik RUDN. Series: Literary Studies. Journalism], 2: 42—51. (In Russ.).
- Na rubezhe. K kharakteristike sovremennykh iskanii. Kriticheskiy sbornik* [At the turn. On the characteristics of modern searches. Critical collection]. (1990). Sankt-Peterburg: Piter. 323 p. (In Russ.).
- Novokreshchenova, I. L. (2007). Ponyatiye «kontsept» i yego vostrebovannost' v sovremennom literaturovedenii [The concept of “concept” and its relevance in modern literary studies]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Voronezh State University], 1: 77—82. (In Russ.).

- Romanenko, A. S. (2014). Problema opredeleniya metodologicheskogo podkhoda k izucheniyu literaturnykh konstant [The problem of determining the methodological approach to the study of literary constants]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk State Pedagogical University], 9 (150): 126—130. (In Russ.).
- Skudrina, S. A. (2017). Nebo kak mifopoeticheskaya konstanta tvorchestva F. M. Dostoyevskogo: onomatiicheskiy aspekt [Nebo kak mifopoeticheskaya constant creativity F. M. Dostoevsky: onomatiicheskiy aspekt]. *Vestnik slavyanskikh kultur* [Bulletin of Slavic Cultures], 46: 177—184. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. (2001). *Konstanty: slovar' russkoy kultury* [Constants: dictionary of Russian culture]. Moskva: Akademicheskii Proekt. 990 p. ISBN 5-8291-0007-X. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S., Proskurin, S. G. (1993). *Konstanty mirovoy kultury: Alfavitnyye i alfvitnyye teksty v periody dvoeveriya* [Constants of world culture: Alphabets and alphanumeric texts in the periods of double belief]. Moskva: Nauka. 158 p. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2009). Obraz ili kontsept? K voprosu o kategoriakh avtorskogo soznaniya [Image or concept? On the question of categories of author's consciousness]. In: *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. Materialy Mezhdunar. shkoly-seminara (V Berezinskiye chteniya)* [Linguistic existence of a person and an ethnic group: psycholinguistic and cognitive aspects. Materials of the International Journal schools-seminars (V Berezinsky readings)], 15. Moskva: INION RAN, MGLU. 262—267. (In Russ.).
- Tarasova, I. A. (2013). Poet kak kritik: konstanty kognitivnogo stilya [The poet as a critic: constants of cognitive style]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 37 (328): 165—167. (In Russ.).
- Tokareva, G. A. (2012). O liricheskom syuzhete v svyazi s problemoy strukturnykh konstant liricheskogo teksta [On the lyrical plot in connection with the problem of structural constants of the lyrical text]. *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnyye nauki* [Vestnik KRAUNTs. Humanities], 32 (20): 91—100. (In Russ.).
- Zusman, V. G. (2001). *Dialog i kontsept v literature. Literatura i muzyka* [Dialogue and concept in literature. Literature and music]. Nizhniy Novgorod: Dekom. 168 p. ISBN 5-89533-056-8. (In Russ.).